

*Учителю
с благодарностью*

Жизненные миры философии

Сборник научных статей

Екатеринбург
1999

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛОТНИКОВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ.....	3
АПОЛОГИЯ ПРОФЕССОРА ПЛОТНИКОВА.....	5
В.А. Лоскутов МЕТАФИЗИКА РУССКОЙ ИСТОРИИ.....	10
В.В. Скоробогачкий НИГИЛИЗМ.....	34
Л.А. Мясникова ЧУВСТВЕННОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ.....	56
А.И. Лучанкин СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ: ГОРИЗОНТЫ КОНВЕРГЕНТНОСТИ, ВИРТУАЛЬНОСТИ, ПУЕРИЛЬНОСТИ..	67
С.А. Азаренко ТОПОЛОГИЯ РУССКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ И ЖЕЛАНИЯ.....	87
В.Л. Круткин ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	110
А. В. Севастеенко ПРОБЛЕМА КЛЮЧЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ В ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ.....	134
Д.В. Анкин ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ И ОТ НАУКИ?.....	152
А.А. Максимов КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ ТЕОРИИ И ТЕХНИКИ АРГУМЕНТАЦИИ СОФИСТОВ И ПЛАТОНА.....	171
Н.И. Мартишина ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИФА В ЗЕРКАЛЕ ГНОСЕОЛОГИИ.....	209
В.В. Николин СТРУКТУРА АРХАИЧНОЙ СКАЗКИ.....	220
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	243

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

XX век в лице феноменологической философии основательно потеснил прежние дуалистические подходы к человеку, когда «предрассудочно» осуществлялось разделение его на две субстанции – тело и душу, пассивное и активное, земное и небесное, натуральное и культуральное и т.д. Обнаружение несостоятельности дуалистических подходов невольно поставило под сомнение возможность исследования реальностей человеческого мира (прежде всего, телесности) средствами естественных наук.

Стоит обратиться к идеям Н. А. Бернштейна, к созданной им физиологии активности. Этому ученому удалось показать, что тело – это вовсе не животная «натура», которую должна преодолеть социальная (а в прошлом веке говорили — божественная) «культура»¹.

Вообразите себе график, на котором по осям абсцисс и ординат отобразены функции, относящиеся к животным и человеку. Кривые, отображающие вегетативные функции дыхания, кровообращения, обмена, как отмечал Н. А. Бернштейн, будут весьма близки. Они будут располагаться вдоль горизонтальной оси. Здесь мы найдем мало примеров эволюционного прогресса по сравнению с другими теплокровными. Совсем не близкими будут линии, построенные для психических процессов. Тот участок графика, который изучен для человека, восходит круто вверх. Из психологии мы знаем причины этого. Возникновение языка,

¹ Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1990.

символической культуры радикально меняет ход всех психических процессов. И совсем иначе выглядит кривая, отображающая динамические, двигательные функции человека, — она круто восходит к правому концу графика. Это обстоятельство весьма часто затрагивается в литературе по философской антропологии: “человека, помимо мозга, органов чувств, способности к речи и мышлению, характеризует совершенно не животная чрезвычайная подвижность всего человеческого тела, колоссальное многообразие всевозможных, реагирующих друг на друга двигательных фигур”².

Если на начальных стадиях развития движений они выглядят как естественное развитие морфологического нервного субстрата, то на поздних стадиях движения далеко обгоняют темпами своего развития морфологический нервный субстрат. Движения человека телесны, и они выходят за границы организменной морфологии. Общее направление для развития человеческих движений - от моторики стереотипов к кортикальной моторике. Движения Бернштейн анализирует в связи со структурами мозга. Усложнение двигательных задач имело своим следствием рост степеней активности живых систем. Подвижность двух звеньев кинематической цепи и есть степень свободы.

Подвижность кинематических цепей человеческого тела огромна и исчисляется десятками степеней свободы, отмечает Бернштейн. Возникновение в филогенезе очередной новой мозговой надстройки знаменует собой биологический отклик на новое качество или класс двигательных задач. Это ведет к появлению нового сенсорного поля и делает возможным новые классы или контингенты движений. Сенсорные поля испытывают затем дифференциацию: на поле восприятия и поле представления. Человек, отмечал А.Гелен,— это преимущественно представляющее, а не воспринимающее существо.

Управление движением представляет собой ограничение степеней свободы. Управлять движением — это преодолевать

² Гелен А. О систематике антропологии //Проблема человека в западной философии. М., 1988.

избыточную степень свободы, только так назначается траектория движения. Бернштейн рассматривал центральную нервную систему как геологический разрез, раскрывал уровни движений, последовательно идя от расположенных у самого дна шахты древних форм к молодым структурам, не имеющим аналога в мире. Эти молодые структуры, имеющие, как и все другие формы движений, управляющие центры, афферентные проводные пути и каналы коррекции, выходят за пределы биологической причинности³.

Он выделял палеокинетические движения, движения синергетического типа, движения пространственного поля, движения предметного действия, движения символических координаций. Палеокинетические движения, расположенные на самом дне шахты, осуществляются преимущественно гладкими мышцами, они проникают во все типы движений, как самостоятельные движения они редки. Эта архаика, присущая человеку, раскрывается не только в экстремальных ситуациях, где мы имеем дело с произвольной моторикой (стучать зубами от холода, дрожать от страха и т. д.). Древние движения, с которыми человек рождается на свет (кистевой захват руки новорожденного, движения мышц рта, необходимые для питания и т. д.), сопровождают как основной фон какие бы то ни было движения.

Если палеокинетические движения – это движения уровня туловища, то синергии – это уровень моторики тела, пишет Н. А. Бернштейн. Движения этого типа управляются уже не спинным, но центральным мозгом. Этот уровень дает из первых рук информацию о положениях и движениях собственного тела. Афферентация собственного тела «совершается не в психологических образах, не сознанием, а импульсами движений». Отметим, что физиология оперирует понятием «собственное тело» как фактом, эмпирической данностью, но философия должна еще понять, как некое тело становится собственным. Врожденными для человека являются движения первого и отчасти второго уровней. Эти движения усложнены вышерасположенными, на них накладывают отпечаток

³ Бернштейн Н.А. Указ. соч. С.61

смысловые, ритмические, временные колебания. Уровень синергии – это уровень «владения своим телом», способным находить и осуществлять огромное количество сложных рисунков движений, разнообразных по конфигурации и ритму. Этим движениям не хватает рецепторов для овладения внешним пространством. Здесь осваивается не внешнее евклидово пространство, а пространство собственного тела. Движения этого типа формируют движения выразительной мимики, пантомиму, пластику, т.е. совокупность непосредственно эмоциональных (но не символических) движений лица, рук, всего тела.

В движения синергетического типа входят и полупроизвольные движения, но применимо ли к ним дихотомическое деление на инстинктивные и неинстинктивные? Инстинкт отличают следующие характеристики: это целенаправленное, ритмически организованное, имеющее значение для вида, а не индивида, прирожденное, независящее от числа проб, готовое поведение⁴. Мы часто сильно преувеличиваем инстинктивный характер поведения животных. От существа же, живущего изменением мира, предоставленного всей полноте открытого мира, мы не можем ожидать инстинктивных форм движений. Инстинктивные реакции такого существа замещают двигательные акции, отсюда их совершенно не животное богатство и разнообразие. В отношении человека можно сказать, что инстинкты были похоронены под руинами естественного отбора. Человек свернул сферу деятельности этого отбора сначала на физические, а затем и на психофизиологические свойства потомства.⁵

Синергии отличаются от вышерасположенных движений (пространственного поля, предметного действия, символических координаций) не тем, что синергии «животны», а вышеупомянутые – «социальны». Синергии могут становиться

⁴ Шелер М. Положение человека в Космосе //Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.38.

⁵ Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.

стереотипными, автоматизированными, но, взятые в совокупном поведении, они вполне согласуются с вышерасположенными движениями. Сложные акты поведения, слагающиеся из движений, у человека таковы, что без обучения его другими людьми они самостоятельно не формируются.

На уровне синергии подготавливается то в человеческой телесности, что будет выступать предметом в отношении рода к индивиду. Род не находит этого предмета в готовом виде. Он его создает из природных предпосылок, населяя живое вещество плоти человеческими потребностями. Без предметов очеловеченного мира органические нужды не превращаются в человеческие потребности.

Иную картину демонстрируют движения пространственного поля, благодаря этому типу моторной активности происходит освоение объективного пространства. Эти движения полностью соотнесены с внешним миром и освобождаются от замкнутости на собственное тело. Новое пространство, которое открывается индивиду, характеризуется объективностью, обширностью, несдвигаемостью, гомогенностью, метричностью, оно заполнено объектами. Именно это пространство стимулирует развитие телерецепторов. Движения третьего уровня перестраивают пребывание человека в пространстве. Как отмечает Бернштейн, это мы идем, а не предметы обтекают нас.

Человек с детства осуществляет переход от птолемеевской точки зрения к коперниканской. Движения пространственного поля выполняют важную работу по категоризации пространства. Но такая категоризация имела место и в более древних слоях. Уже древние движения исходят из полярности верха и низа. Высшие уровни движений проведут радикальную ревизию в категоризации пространства, оно станет смысловым, символическим, эти характеристики будут доминировать. В этом смысле движения синергий имеют дело не с некой натуральной данностью, а с телом человека, подвергшимся символической категоризации.

Тело даже в самом натуральном контексте не является натуральным. Это своеобразно раскрывается в древних идеях о дифференциации жизненных центров, когда на анатомическую

(жертвенную?) делимость накладываются представления о строении универсума, который производит себя в центрах активностей: голова — активность ума, грудь — активность сердечной силы, чрево — активность порождающей силы. Здесь пространство тела подвергается вторичному означиванию, анатомический язык становится языком мифа. Разве нам не естественно думать, что мысль зарождается в голове, а любовь — в сердце? При особых условиях тело может выступить основанием не только для рациональной практики, но и практики иррациональной. Когда усиленно и односторонне подчеркивают то, что в обычной практике выступает уравновешенным, тогда возникает мистика. Мистика головы лежит в центре внимания греков и буддистов, мистика сердца — предмет особого внимания христиан, мистика чрева — предмет заботы в оргиастических культах, в дионисийстве.

Пространство телесного бытия создается не физическим, а феноменальным телом. Это не мысль о теле, а реальное тело, которое наделено инициативами, находится в мире предметов и людей, от которых исходит «зов». Оно выстроено движениями инициатив, акций и реакций. Пространство телесного бытия производно от бытия, ситуации, задачи, а не от универсального, геометрического, гомогенного пространства. Осознавая свое телесное пространство как матрицу обычных действий, человек испытывает свое тело как направленное вперед, туда, где совершается действие. Собственное телесное пространство никогда не является объектом его знания.

Тело совсем иначе заполняет пространство, чем заполняют его другие вещи, писал М. Мерло-Понти. Оно само создает свое пространство, а не помещается в готовое пространство, оно создает свое пространство в действиях и движениях, где осуществляется человеческая воля, оно запускается всей ситуацией, является акцией, а не реакцией на отдельный предмет. Способность к развертыванию движений позволяет говорить, что телесное пространство — это не «помещенность в нечто», а «средство для». Телесное пространство есть развивающееся пространство, где через движения осуществляется интенциональное полагание. «Внешнее пространство само по себе никак не может обосновать это

полагание, — писал М. Мерло-Понти, — телесное пространство пронизано задачами и заботами, оно неоднородно с универсальным пространством»⁶.

Собственное тело выступает первичной моделью, сообщающей идею владения и обладания, в отношении к нему для человека раскрывается отношение собственности. Но что делает тело “собственным”? Учет социального контекста показывает, что феномен власти (стратегия подавления и подчинения) связан с реальным приготовлением телесности в социуме, где оплотняется тело, производящее и потребляющее, тело аскетическое и тело гедонистическое, тело, эротически соблазняющее, и тело, где налицо самонаправленная жестокость. Следует ли это понимать так, что у человека есть некоторая множественность тел, но они собираются в единство его объективным анатомическим телом? Нужно ли анатомическое тело рассматривать как подлинное, а все остальные — как производные, неподлинные? На все эти вопросы приходится дать отрицательный ответ. Анатомическое тело тоже возникает в результате номинаций или научных определений. Как писал П. А. Флоренский, XVIII век видел в единстве человеческих органов прежде всего механизм. XIX век открыл организм. Обнаружилось, что не организм нужно понимать из механизма, а наоборот.⁷ Наше время подводит к тому, что не тело нужно понимать из организма, а наоборот. Анатомическое тело не годится на роль синтезатора совокупной телесности, ибо разные культуры дают ему разные номинации.

Пространство телесного бытия складывается из движений и действий, представляющих собой микропоступки, с помощью движений происходит смысловая категоризация как мира, так и тела. В своей деятельности человек осваивает самые разные пространства — земное, воздушное, подводное, космическое, пространство комнаты, дома, двора, улицы, города, страны,

⁶ Merleau-Ponty I. The phenomenology of perception. London, 1967. P.148.

⁷ Флоренский П.А. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. 1969. С.40.

континента. Это освоение приводит к устойчивым рубрикам как мира, так и сознания. Категории культурного ландшафта — это такие продукты деятельности, которые выполняют роль инструментов освоения мира, обеспечивают его единство, отчетливо фиксируются в перцептивных действиях, могут осознаваться через вербализацию, заключают в себе обильную культурно-историческую информацию. К числу таких категорий, с которыми имеет дело человек, осваивающий пространство города, относят: путь, границу, ворота, улицу, перекресток, угол, вертикальное и горизонтальное пространство и пустоту, видимое и невидимое, порядок и беспорядок и т.д.⁸ Категоризация связывает как культурные объекты, так и телесность индивида. Вербализация внешней стороны этой связи дает в сознании картину реальности, внутренней стороны — образы человеческого я. «Я» — это то, что движется по определенному «пути», сталкивается, с некоторой «границей», для чего и существуют «ворота». Так как «ворота» — это и дверь, и окно, и вокзал, и прилавок магазина, и арка, и мост, и остановка транспорта, и портал сцены, то становится ясным, что для человека весьма важными являются не просто органические характеристики его существа, а семиотические характеристики его функционирования в мире культурных объектов. Сами органические характеристики берутся под углом зрения их семиотики.

Движения самых разных уровней отличаются не только конкретными управляющими центрами, но смысловой структурой и двигательным составом, где смысловая структура — это намеренность, проективность, предметность. Если движения синергий, ориентированные на собственное тело, характеризуются процессуальностью, то движения пространственного поля отличает результативность: у них есть начало и конец, они ведут куда-то и зачем-то. «Движения в уровне предметного действия представляют собой смысловые акты, т.е. это не столько движения, сколько элементарные

⁸ Боков А.В. Категории культурного ландшафта //Техническая эстетика. 1982. С.8.

поступки, определенные смыслом поставленной задачи».⁹ Эти движения ведет уже не пространственный, а смысловой образ. Именно эти движения совершают разнообразные и сложные изменения окружающей действительности. Но какие бы сферы мы ни взяли (бытовые, производственные, спортивные и т.д.), в них могут быть указаны те нижележащие уровни движений, о которых уже шла речь. Они выступают «черновой техникой», но там нет и не может быть того, что запускает движение предметного действия. Их мотивы вне этих уровней, они там, куда направлены сами предметные действия. О проекте движения А. Гелен писал так: «...это движение лишь «слегка намеченное», виртуальное и тем самым предусмотрительное, движение только возможное, но пережитое как таковое в направленности на будущее и будущие ситуации»¹⁰.

Анализ движений и их патологий позволили М.Мерло-Понти выдвинуть предположение, что телесные движения не ограничиваются пассивным подчинением готовому пространству и времени, тело активно присваивает, населяет их. Анализируя едва ли не те же случаи патологии движений что и Бернштейн, французский философ отмечает, что «схватывающее движение отличается от указывающего тем, что первое может начаться, только если его конец предвосхищается»¹¹. Иногда такое предвосхищение отождествляется с познавательным образом, продуктом мышления. Но опыты показывают, что интенция «схватить», предвосхитить конец движения отличается от интенции «знать». Подвижность человека, вся его телесность — это средство войти в знакомое окружение, но вовсе не средство знать это окружение с помощью мысли.

Бернштейн отмечал важные характеристики движений предметного действия. Здесь впервые складывается исключительная вариативность движений. Движения руки с иглой, скальпелем, косой, напильником никогда в точности не

⁹ Бернштейн Н.А. Указ.соч. С.121.

¹⁰ Гелен А. Указ. соч. С.186.

¹¹ Merleau-Ponty I. The phenomenology of perception. London. 1967. P.104.

повторяют друг друга. Еще большей вариативностью от индивида к индивиду обладают движения символических координат (индивидуальность почерка, интонации речи). Только в движениях предметного действия появляется отчетливая асимметрия правого и левого – феномен, несущий на себе глубокую социокультурную печать. Но на первое место выступает особый характер смысловой структуры движений этого типа. Она раскрывается как целесообразность, нацеленность, намеренность, проективность, интенциональность.

Интенциональность в современной философии связывается прежде всего с характеристикой сознания. Всякое сознание предметно, оно всегда есть «сознание о». С интенциональностью связано открытие особого рода дорефлексивного бытия в сознании. Не только мир представлен в сознании, но и сознание есть в мире, оно не только рефлексивно, но и бытийно. М. Мерло-Понти расширил понятие интенциональности и применял его для характеристики такого параметра человеческой онтологии, как телесность: «Движения человека являются базисом интенциональности. Сознание в первую очередь есть не «я думаю», но «я могу».¹²

Точно так же, как мир уже есть в мысли, прежде чем мы начнем совершать познавательное восхождение к нему, так и человек уже есть в мире как тело, прежде чем он начнет определять свое отношение к нему. Обращаясь к самому себе, писал М. Мерло-Понти, я нахожу не источник внутренней истины, но субъекта, которому предстоит жить в мире. Аналитическая рефлексия ничего не знает о проблеме другой мысли. Другой и Эго – одни и те же в истине мира, которая унифицирует умы. Они существуют без данности, локализации, тела. Но сознание связано с интенцией «я могу», это «бытие перед вещью с помощью тела».

Выше уровня предметных действий лежат движения символических координат. Это все разновидности речи и

¹² Merleau-Ponty I. The phenomenology of perception. London. 1967. P.137.

письма, музыкальное, театральное, хореографическое исполнительство, движения, изображающие предметные действия при отсутствии реальных предметов. Тело становится символической формой.

Язык – это система знаков, благодаря которой существует культура. Сам знак – это такое явление, которое как разделяет, так и связывает две стороны – означающее и означаемое. Разделение явлений на вещи и знаки знает всякая культура. Это разделение не абсолютно. Предмет может становиться знаком и может переставать им быть. Знак – это всегда продолжение тела (след на песке, зарубка на дереве). Такое телесное означивание может быть применено и к самому телу. Орнаментирование тела – первый шаг к тому, чтобы в мире самых разных тел наместилось появление «собственного тела». Пока оно будет лишено какой бы то ни было психологии приватности – это скорее родовая собственность. Так же, как и вертикальное положение, которое Гегель рассматривал как «абсолютный жест человека»¹³. Орнаментирование и одежда достраивают человека до масштабов его космоса, как считал Флоренский, обнаженный человек не то чтобы безнравственен или безобразен, он «метафизически невнятен».

Важнейшая черта всякого языка — наличие в нем по меньшей мере двух кодов. Человеческая телесность обеспечивает это условие. Связь означаемого и означающего — это связь двух кодов, оптического и акустического, жеста и слова, образа и концепта. Телесной основой такого рода кодирования выступает направленно воспитуемая праворукость, укорененная в древних мифологических структурах. Тесно связанная с пракультурной архаикой асимметрия глубоко охватывает все телесное существо человека.

Одной из праформ культуры выступал ритуал. Тело — ближайший, наиболее доступный инструмент ритуального действия, ритуалы являлись первой моделью культуры, которые решали важную задачу трансляции социального опыта.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч.3: Философия духа. М., 1956. С.196.

Входя в знаковую систему ритуала, тело само становится знаком, оно делается означающим, связанным с означаемым. До первых слов еще очень далеко, первые жесты выполняют роль синкретически слитного единства означающего и означаемого, они позволяют осуществлять семиотический коммуникативный обмен.

Телесная асимметрия ведет к специализации коры полушарий мозга, обособлению образного и пространственного от речевого и логического, воображающего и временствующего в прошлом от планирующего и временствующего в будущем. Правое полушарие связано с ощущением тела, тем самым оно укореняет экстатическое Я, оно связано с жестовой сигнализацией (оптическим кодом), формирует первичные поведенческие единицы — «бихевиоремы». Левое полушарие, ответственное за работу речи (акустический код), планирует поведение и выступает тормозным, аскетическим, подавляющим механизмом для тех фантазий, которые в порывах воображения создает правое полушарие.

Древнейшим видом языка был язык жестов, бихевиорем, со временем ставший языком фонем. Это был язык, опирающийся на оптический код. Затем формируется акустический код. При всем различии этих кодов (полноценным язык может быть только при взаимопереводе одного кода в другой) оба они укоренены телесно. Именно это делает тело символическим орудием.

Телесными действиями человек подтверждал в ритуале сакральность мира, благодаря чему он достигал чувства «наиболее интенсивного переживания сущего, особой жизненной полноты, собственной укорененности в универсуме», как пишет об этом В. Н. Топоров.¹⁴

Сакральность тела или его частей — следствие ритуала как изощренной, сложной, крайне обязательной работы. Исследования культуры с точки зрения телесно вовлеченного в ее мир человека позволяют расширить наши представления о телесности. Такие исследования по необходимости должны

¹⁴ Топоров В.Н. Первобытные представления о мире //Очерки истории естественнаучных знаний в древности. М., 1982. С.17.

быть междисциплинарными. В европейской культурной антропологии эти исследования активно проводятся. В центре «антропологии тела» находится культура, однако она понимается не как чуждая и внешняя человеку реальность, а как продолжение его тела. Тело — посредник, связующий человеческое «я» с культурой. Как пишет Д. Блэкинг, обращение к телесности вовсе не означает поиска инстинктивных основ поведения. «Антропология тела — это учение о культуре и культурных процессах, которые рассматриваются как во-площения и о-внешнения тела в различных социальных контекстах.¹⁵ Широкое изучение телесности может углубить наше понимание и культурного контекста. Сам Д.Блэкинг пришел к необходимости изучения телесности именно таким путем. Известный этномузыколог, изучавший музыкальную культуру народов Южной Африки через кросскультурный анализ традиционного и нетрадиционного общества, он пришел к выводу, что социализация индивида касается не только его духовной стороны, она охватывает все человеческое существо. Д. Блэкинг показывает, что суть такой формы культуры, как музыка, - в музыкальном поведении, а оно обусловлено самой природой нашего организма, находящегося в культурной среде. «Самое важное заложено в нашем теле и ждет своего выявления и развития так же, как основные законы языка.» «Музыка начинается как движение тела.»¹⁶ В основе духовного мира лежат чувства, они всегда телесно укоренены, сочувствие всегда выражается как движение тела в пространстве и времени, часто и без словесных сопровождений.

Это подтверждают исследования танца, тесно связанного в своем происхождении с ритуалом. Ю. Ханна, анализирующая эту форму культуры, доказывает, что танец значительно отличается от соответствующих форм активности в дочеловеческом мире, что он имеет глубокие исторические корни. Это различие заключается в наличии у танца систем

¹⁵ Blacking J. Towards an anthropology of the body //The anthropology of the body. London, 1977. P.2

¹⁶ Blacking J. How musical is man? Seattle, 1973. P.100.

символизаций, эмоциональной выразительности, особых образцов. Танец – это особое телесное поведение, осуществляемое с точки зрения и перспективы танцующего, оно преднамеренно, ритмически организовано. Танец – часть культурной системы, в которой адаптивно ценная информация передается от одних другим. При этом происходит не адаптация организма к среде, но адаптация феноменального тела к миру культурных смыслов. Танец – это культурный код, с помощью которого мир подвергается упорядочиванию и категоризации. Категоризация мира с помощью танцующего тела внутренне противоречива, так как танец содержит «основные культурные допущения, ориентации и предписания, равно как и семена для их разрушения и замены»¹⁷. В этом отражается потребность человека действовать с новизной в безопасной ситуации, играть с хаосом.

Символические координации позволяют человеку выполнять важные выразительные функции. Исследование этих движений было лишь намечено Н. А. Бернштейном. Но он подчеркивал, что движения этого уровня — это не чисто психологическая надстройка, которая объединяет; суммирует движения низших уровней. Это самостоятельная координационная реальность, имеющая свои управляющие механизмы, свои каналы коррекции. Это тоже функциональные органы, наделенные способностью воспринимать и меняться. «В музыкальном исполнении художественный звук, извлекаемый смычком, выразительная динамика определяется целостной художественной концепцией, а не афферентным синтезом предметного уровня».¹⁸

Телесность человека наделена субъектными инициативами, с помощью движений происходит освоение мира. Человек осознает свое телесное пространство как матрицу своих обычных действий. Человек находит свое тело одновременно с миром вещей и людей, с которыми ему предстоит жить. Быть телом — это быть привязанным к определенному миру, как

¹⁷ Hanna J. L. To dance is Human //The anthropology of the body. London, 1977. P.209-216.

¹⁸ Бернштейн Н.А. Указ.соч. С.138.

писал М. Мерло-Понти. В отличие от вещей, которые существуют «в себе», тело «раскупорено», и уже то, что вещи существуют для него, говорит, что оно не принадлежит к миру «в себе», оно наделено инициативами. Предметы этих инициатив составляют мир тела. У тела есть свой мир предметов, непохожий на мир предметов знания. Он создается движениями. Сами движения — не просто механические перемещения как рефлекс на предмет. Движения кортикального уровня вызываются ситуацией, они являются поступками. Многообразие такого рода движений необозримо: от производственных операций до танцевальных «па», от знаков вежливости до голосовых артикуляций речи.

Остановимся на небольшой работе французского социолога Марселя Мосса «Техники тела», которая наверняка заняла бы первое место в индексе цитирования среди работ, посвященных социализации телесности. Поясняя название своего доклада, М. Мосс подчеркивал, что речь не идет о создании некоторой теории. Он выдвигал задачу скорее описательного плана, не исключая возможности выработки такой теории в будущем. Что же выражает понятие «техники тела»? «С помощью этого выражения, — пишет М. Мосс, — я обозначаю способ, каким от общества к обществу люди узнают, как использовать свое тело»¹⁹.

Рассматривая технику младенчества, М. Мосс приводит убедительные примеры того, что непосредственно-телесный контакт ребенка с матерью в первые недели и месяцы жизни имеет огромное значение для формирования юного существа. Факты, отмеченные Моссом, получили подтверждение. Воспитание слепоглухонемых детей показало, что первичным этажом психики и сознания человека является уровень предметно-телесных действий, орудийные операции с предметами, в тесной связи с другим человеком, формируют основы для знаковых действий, лежащих в основе интеллекта.²⁰

В психологическом развитии ребенка можно указать значимые точки работы такого рода системы. Движения

¹⁹ Mauss M. *Techniques of body // Economy and society*. 1973. Vol. 2. № 1.

²⁰ См. Мещеряков А.И. *Слепоглухонемые дети*. М., 1974.

ребенка к предмету воспроизводят более древнюю интенцию схватывания. Взрослый «читает» жест как указывающий знак, поступает в соответствии со знаковым характером жеста, первичное движение делается знаком, оно становится означающим и для ребенка. Из всей совокупности телесных проявлений ребенка, из его витальной спонтанности мать выделяет плач («Он, наверное, пить хочет») и меняет свое поведение. Плач — это указывающий жест. Скоро ребенок объективирует плач как эффективное средство коммуникации, он принимает принятое в данной культуре значение своего плача. При этом, как пишет П.Д.Тищенко, «происходит не просто трансформация телесных движений (изменение внешнего поведения), но глубоко трансформируется и сама «внутренность» тела, его физиологическая организация»²¹.

Происходящие с маленьким человеком процессы — развитие движений, тренированность органов чувств, освоение пространственных, временных и смысловых параметров окружающего мира — все это говорит о том, что прежде чем человек «войдет в разум», он «входит в тело». Эти процессы связаны. С исторической точки зрения эта связь осуществлялась в ритуалах посвящения, в инициациях, выполняющих роль важного общественного института в так называемых примитивных обществах, где неофиты проходили школу «формирования телесности», «образования тела».

Важно не сводить технику к инструментальному навыку. М.Мосс предлагает расширительное понятие техники, как это было у Платона,— техника музыки, техника танца. Танцы мужчин и женщин должны различаться, они часто противопоставлены: танцы парами, где партнеры поддерживают руками друг друга, являются продуктом современной цивилизации. Непреложными свойствами техники в этом смысле являются ее действенность, эффективность, традиционность.

Общество располагает эффективными рычагами, давлением морального авторитета для того, чтобы ввести в определенные рамки индивида. М.Мосс выделяет такие

²¹ Тищенко П.Д. «Дано мне тело...» //Человек, 1990. № 3. С.47.

комплексы движений, которые, кроме своей утилитарной эффективности, имеют еще моральное, ритуальное значение для человека. Было бы неверно обособлять их. Для традиционного общества характерно совпадение движений ритуального плана и движений производственных.

Ритуализация телесных проявлений — это факт не только «застывших» обществ, но и тех, где культуры изменяются. Описывая культуры Новой Гвинеи, М. Мид отмечает, что «они изменяются с удивительной быстротой и изменяются по очень различным направлениям, причем их интегратором служит человеческое тело. Тело как таковое является фактором ритуализации».²²

Телесные техники лежат в основе того, что мы считаем допустимым и запрещенным, естественным и неестественным. М. Мосс впервые отметил то, что вошло в антропологию и стало привычной посылкой последующих исследований — связь освоений техник тела и освоений символических систем.

Индивиду дается не просто это тело, ему дается тело в этом мире, а миры могут весьма отличаться. Ребенок сталкивается с готовым миром, который глубоко вовлекает в свои техники его тело как исполнительное звено. Через освоение собственного тела (а это очень ранний период развития) ребенок делается причастным множеству социальных значений и ценностей. «Благодаря присвоению мира тела делается возможным присвоение мира», отмечает П. Бурдьё²³. И первый этап формирующихся желаний, стимулируемых духом дисциплины, — освоить техники, связанные с миром взрослых. Можно ли отрицать то, что дети особенно внимательны к жестам, позам, манере ходить, наклонять голову, выражать что-либо лицом, пользоваться предметами и действиями, в том числе такими движениями, как звуковая речь во всем богатстве ее возможностей (интонации, паузы, скорость, громкость и т.д.)? Все это естественно переходит в план субъективного опыта. П. Бурдьё подчеркивает, что социализация начинается с

²² Мид М. Изучение развития ребенка // Развитие ребенка. М., 1968. С.175.

²³ Bourdieu P. Outline of theory of practice Cambridge. 1977. P.89.

усвоения способов порождать практику, со структурно организованных обыкновений, с габитусов, которые вовсе не обязательно адресно настроены, чтобы дойти до сознания и дискурса.

Социализация телесности и взаимодействие стратегий подавления и подчинения разворачивается не только там, где мы привыкли поселять власть — в государстве и институтах права. Это и детский сад, и летний лагерь, и школа, и больница. Внешние проявления власти могут выглядеть как незначительные мелочи, как обыденность и привычность, если речь идет об эволюционном развитии общества. Когда общество переживает разрыв в постепенности своего развития, внешние проявления власти лишь на первый взгляд резко меняются, когда в рамках тоталитарных институтов такого общества делаются попытки произвести «нового» человека. Полем такой «рекультурации» или «декультурации» всегда выступает телесность. С точки зрения того, «где» пишется социальная память, все общества одинаковы. Они отличаются тем, «как» это делается. В число древних техник такого рода включают многообразные способы прямого письма на теле — ритуалы инициации, татуирования, всевозможные способы записи социального кода, когда с помощью маркирования совершался переход от «глупого» индивида к «социальному».

Человек находит себя в мире не как мысль, а как существо, которому предстоит жить и быть, бытию он предстоит как телесное существо. Телесность этого плана - это не натуральная вещественность организма. Это феноменальная телесность как способ, каким человек проживает и переживает свою ситуацию. Феноменальное тело делается главным элементом этой ситуации, человек находит свое «я» как вовлеченное в ситуацию телесное существо. Это его «я» телесно: «Я — солдат», «Я — негр», «Я — калека», «Я — красавица». Феноменальное тело — это тело, которое населено субъектностью. Оно находится на границе «бытия-в-себе» и «бытия-для-себя», оно раскрывает потенциальность человеческого мира. Никакие медикобиологические исследования не раскроют этой потенциальности, они знают только бытие в себе. Офтальмология знает физическую

телесность глаза, но глаз человека существует в единстве со взглядом. Люди могут обмениваться не только произведенными продуктами деятельности, они могут обмениваться взглядами.

Как отмечает В.А.Подорога, великое открытие, совершенное мыслителями экзистенциально-феноменологической ориентации – открытие «моего тела»: «Вот его модальности существования: присутствие в мире, обладание собой, интенциональность (направленность на мир).²⁴ Кроме тела, которое «принадлежит нам», есть тело, которому «принадлежим мы».²⁵ Присвоение нами тела, которое станет собственным, всегда происходит по санкции Другого, в рамках телесного канона эпохи.

За телесной интенциональностью всегда высвечивается другой человек. В психологии отмечают то обстоятельство, что первичная схема собственного тела ребенка включает в себя как необходимый компонент тело взрослого, матери. В попытках схватить что-то он смотрит не на свою руку, он смотрит на объект, считая своей рукой самого взрослого. Нужно время, чтобы совершился процесс обретения ребенком статуса отдельного существа.

Приходящее в мир сознание застаёт реальность, уже освоенную телом, первые книги, из которых человек узнает о своих взглядах, прочитаны телом. «Движение является изученным, когда тело поняло его, т.е. когда тело инкорпорирует его в свой мир. Привести в движение собственное тело — это нацелиться на вещи через посредство тела, т.е. позволить себе ответить на их зов», — отмечал М.Мерло-Понти²⁶. На освоение движений накладывается социальный контекст, ибо, как писал Б. Уилшир, «прежде чем ребенок идентифицирует свое тело как его собственное или использует местоимение «я», он знает, как его зовут».²⁷

²⁴ Подорога В.А. Феноменология тела. //Введение в философскую антропологию. М. 1995. С.31.

²⁵ Там же. С.8.

²⁶ Merleau-Ponty I. The phenomenology of perception. London, 1967. P.139.

²⁷ Wilshire B. Self Body and Self-deception //Man and world The Hague. 1972. Vol. 5. P.434.

Привести тело в движение — это ответить на зов предметов. Этот зов реально присутствует в мире малыша — он сам умеет откликаться на зов. Откликаться на имя — это знать, что другие ждут от него и каким они хотят его видеть. Откликаться на имя — это усвоить в деятельности то, что другие полагают должным. Такой зов исходит от всех предметов, любое движение — это ответ на зов. Откликаться — это быть каким-то таким, каким я буду соответствовать идее или ожиданию зовущего. Уже в механику первых движений входит сложная метафизика.

Загадка человеческого «я» — одна из древнейших в составе философского знания. Связано ли «я» с телесностью человека? Достаточно распространено выведение «я» из сознания, которое наделяется только познавательными функциями. Здесь сознание оказывается только рефлексивным образованием, существо его дела заключается в том, чтобы мир наличествовал в сознании. Такое «я» не нуждается в теле, оно будет связано с ним только внешне.

Но кроме рефлексивных параметров, у сознания есть бытийные параметры, существо которых заключается в том, чтобы сознание наличествовало в мире. Сознание не просто «знает» и осуществляет теоретическое отношение к миру, оно вовлекается в духовно-практическое отношение, благодаря которому человек совестится, страдает, любит, ненавидит, надеется и т.д. Рационалистическая традиция безудержно спиритуализирует человека, делая упор на «теоретическом Я». Начало философскому бунту против гегелевского спиритуализма положили работы Фейербаха, где происходит реабилитация телесности: «Тело входит в мою сущность, тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность»²⁸.

Откуда же приходит в тело «я»? «Аты-баты, шли солдаты» — играют дети, и пальчик считающего указывает на каждого из вовлеченных. На кого выпадет? Кто должен

²⁸ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1. С.186.

остаться на месте, а кто должен что есть сил бежать? Указывание пальцем водящего — это древний эквивалент слова «ты», которое отдается во мне тоненьким отголоском слова «я». Человеческое «я» имеет ответный характер, это «ты», сказанное мне другим существом (М. Бубер).²⁹ Напрасно пытаться вывести первоначальное «я» из структур идеального сознания — оно телесно живет во мне, раскрываясь в тех инициативах, на которые я способен. Именно поэтому сознание, как отмечал Мерло-Понти, это не столько «я знаю», сколько «я могу». «Я» начинается с этого пальца, указывающего прямо на меня, мне в грудь. Вот то, на что они все указывают (кто ласково, а кто сердито) — это «я». Со временем внутри этого «я» возникнут многие извивы и модификации, но его изначальный уровень телесен.

Живое тело — это центр, откуда исходят смысловые интенции, это единственное место в мире, которое никто, кроме меня, не занимает. Телесность в социальном контексте несет на себе черты типичного для данного общества порядка социализации и индивидуализации. Имея дело с разными объектами, субъект всегда оказывается их новым предвосхищением. Такое предвосхищение — не психологический «бульон» в телесном «сосуде». Это телесное предвосхищение — базой интенциональности выступают движения тела. Можно говорить чужими словами или думать чужими мыслями, можно жить чужими чувствами и переживаниями, можно в общении стремиться достичь такого состояния, когда интенция другого человека станет населять ваше тело, а ваша интенция — тело другого человека, но нельзя занять место этого другого человека, перестав быть телом своего места. Человек единственен своим телом, он абсолютно незаместим. О физиологической уникальности индивидов известно много. Но телесность разных людей оказывается совершенно отличающейся не только по органическим основаниям, но и по интенциональным.

Дело заключается не просто в том, что мое внешнее тело раскрывается для меня только в категориях «другого», а в том,

²⁹ Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция. М., 1992. С.307.

что оно и формируется не изнутри меня самого, а извне. Навстречу внутреннему темному самоощущению идут слова любящего человека, которые дают этому ощущению форму и название. В именовании человек осознает и находит себя как нечто. Человек ценностно оформлен объятиями матери. Отсюда его абсолютная нужда в любви: «Многообразные, рассеянные в моей жизни акты внимания ко мне, любви, признания моей ценности другими людьми как бы изваяли для меня пластическую ценность моего внешнего тела».³⁰

Знания, чувства, воля как сущностные силы человека немислимы вне его телесной воплощенности в мире. Даже наиболее «идеальное» мышление разворачивает свои инициативы не в безвоздушном пространстве, сознание в бестелесном мире невозможно, оно нуждается в «точке зрения», какой и выступает тело сознающего индивида. Тем более это немисливо для чувств. Музыка обращается не к духу самому по себе. Познание музыкального бытия заключается в переживании акта приятия творческого импульса от исполнителя и стоящего за ним композитора. Исследователи отмечают, что на первом месте в таком приятии не рациональный момент, а чувственный, дорефлексивный, соматический. Выходя с художественной выставки, где он получил бездну волнений и наслаждений, внимательный человек может заметить, что в оптике его видения что-то меняется, он может мимолетно ощутить в собственной чувственности переход от одной телесности (выставочной) к другой телесности (уличной). Сила художественного воздействия определяется долговременностью такого рода впечатлений.

Интересно то, что тело сравнивают с произведением искусства. «Тело нужно сравнивать не с физическим объектом, но скорее с произведением искусства. Роман, поэма, картина или музыкальное сочинение являются индивидами, т.е. существами, в которых выражение является неотделимым от выражаемого вещи; их значения, доступные только через

³⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.46.

прямой контакт, изучаются без изменения их временной или пространственной ситуации.” (М. Мерло-Понти).³¹

Взяв альбом С. Дали, можно убедиться при должном усилении, что в телесном бытии действительно имеют место феномены, изобразительным решением которых мог бы быть сюрреализм. Это хотя бы те феномены, которые имеют место при самом восприятии сюрреалистической живописи или кинематографа. Наш глаз как анатомический орган телесен, но телесностью характеризуется и функция этого органа. Известны аналогии между видением и касанием. Наш взгляд на мир выполняет функции, подобные функции трости слепого человека. Трость «опрашивает» местность. Можно сказать, что живопись — это искусственная «местность», где художник задает тип видения, тем самым он меняет наш взгляд, а значит, и телесность ведения. Взгляд получает впечатления в соответствии с тем способом, по которому он опрашивает местность, т.е. картину, то блуждая, то задерживаясь, как писал Мерло-Понти. Через взгляд люди, любящие разную живопись, имеют разные стили видения, разные способы использования собственного тела, тем самым — и разные типы телесности. Тело неотделимо от его использования. Это не объект, через который или о котором человек «думает», но реальность самого его бытия, через которую он живет.

П. А. Флоренский писал, что неправильно считать пределом нашей власти границу нашего тела. Напротив, «граница нашего тела есть признак, производное, последствие ограниченности нашей власти над самими собой», эта граница не может рассматриваться как безусловная, «граница тела может суживаться, почти до исключения из тела большей части его объема, а может и расширяться неопределенно далеко. Магия в этом отношении могла бы быть определенной как искусство смещать границу тела против обычного ее места». ³² Такого рода смещения границы раскрываются в технических и символических органопроекциях человека. Энергетически и

³¹ Merleau-Ponty I. The phenomenology of perception. London, 1967. P.147.

³² Флоренский П.А. Указ соч. С.40.

вещественно мир пронизывает всю живую телесность, тело — пронцаемая миром реальность, особенно ярко — по каналам нервной системы. Внешняя, неорганическая телесность теснейшим образом связаны с органической телесностью. Создаваемая человеком неорганическая телесность может провоцировать появление в органической плоти органов, о которых современная наука еще ничего не знает, считал П. А. Флоренский.

Место человека в мире оказывается телесно занятым местом. Статус этого места отличается от статуса, какой есть у камней, растений, животных, зданий, скульптур, механизмов. Самостоятельный статус человека в мире заключается в том, что он имеет свое телесное бытие не как некоторую природой или культурой поставленную и ими же решенную задачу. Он имеет свое телесное бытие как задачу, которую ему самому предстоит решать, решать, решать и решать... Здесь раскрывается важная черта феноменальной телесности — ее интенция на бесконечность или бесконечная интенциональность.

Научное знание об организме как физическом явлении не может быть источником наших знаний о телесности в том смысле, чтобы мы получили и метафизические ответы. Оно может дать нам инструменты, но никогда не сообщит — что с ними делать. В самом деле, можно ли с позиций науки характеризовать комплекс «телесного бессмертия» русской идеи как фундаментальное заблуждение? Наука — это своего рода зеркало. Наша телесность, т.е. то, благодаря чему мы можем жить и быть, не ограничивается организмическим комплексом. Тело в мире человека раскрывается через интенциональные полагания смыслов в мир объектов. Когда мы смотрим в зеркало, то там мы не находим объектов своего полагания. В зеркале мы видим подобие, видимость, имитацию себя. В зеркале нет человека, который «смотрится в зеркало» (с тайными надеждами или беспричинными разочарованиями), так как этот человек всегда остается перед зеркалом.